

МЖС

*Неизвестным
для меня способом*

ФРМ

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ф82

Книга публикуется в авторской редакции

Фрай, Макс

Ф82 Неизвестным для меня способом / Макс Фрай. —
Москва : Издательство АСТ, 2019. — 288 с. — (Миры
Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-118948-8

«Неизвестным для меня способом» — это, конечно, цитата из Хармса; полностью фраза звучит так: «Значит, жизнь победила смерть неизвестным для меня способом». Не знаю, все ли помнят, что произносит эти слова человек с тонкой шеей, который «забрался в сундук, закрыл за собой крышку и начал задыхаться». А потом обнаружил себя лежащим на полу. Сундука нигде не было. Сундук исчез! Все рассказы в книге примерно про это. Ну или для этого. Чтобы все эти ваши сундуки исчезали, один за другим.

Рассказ «Сорок третий» был опубликован в сборнике «Нада», рассказ «Голова и лира плыли по Гебру» — в сборнике «Карты на стол», обойтись без них было совершенно невозможно, очень уж качественно от этих рассказов рассеиваются сундуки.

Остальные тексты публикуются впервые.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-118948-8

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

CARTEL*

Приходи ко мне утром, в спешке, в смятении, толком не пробудившись, но уже позабыв, что снилось, трижды прокляв будильник, себя и весь мир, позавтракав полезной овсянкой, от которой ты будешь жить вечно, а все остальные сдохнут, хоть бы уже поскорей. Приезжай ко мне в лифте, в метро на работу, на пригородной электричке, на троллейбусе номер семь, толкаясь, наступая на ноги, задыхаясь, втайне желая всем, от кого пахнет потом и табаком, вариться в кипящем масле, корчиться, громко вопить от боли, а ты будешь торжествуяще хохотать, тебе поставят пятерку, подарят собаку, сами разденутся, купят велосипед. Первым уроком сегодня черчение, вторым стоматолог, третьим квартальный отчет, а четвертым уроком нынче по расписанию я, староста отмечает отсутствующих, не сбежишь, не отвертишься, законспектируешь, доложишь начальству, объяснишь недовольным родственникам, выучишь наизусть, сдашь экзамен, откроешь зачетку, когда я метнусь навстречу, застряну у тебя в животе, напьюсь твоей крови. Имя мне будет Джид, а твое не успею спросить.

* Письменный вызов на дуэль (фр.)

...Приходи ко мне в полдень, когда солнце так высоко и так яростно, ярко пылает, что кажется, нет ничего, кроме его ослепительно-белых лучей и золотой сияющей пыли; спойлер: не «кажется», ничего кроме них действительно нет. Полдень — лучшее время, чтобы прозреть, расстаться с иллюзиями, научиться видеть реальность такой, какова она есть, а увидев, оцепенеть от ужаса, но ни в коем случае не кричать, чтобы никто не услышал и не подумал, будто ты сумасшедший дурак, такому не место в светлом солнечном мире, в цивилизованном обществе, в доме образцового содержания, в элитном собачьем приюте с веганским кормом, в сияющем офисе блаженного Ратнасамбхавы, гнать его, отовсюду гнать. Не выдавай себя, не кричи, все равно не поможет, только я тебе помогу, приходи ко мне в полдень один, без спутников и свидетелей, даже тень с собой не бери. Приходи ко мне тайно, закутавшись в покрывало, полумертвый от ясности, легкий, как пепел, веселый от смертного страха, приближайся медленно, крадучись, кружась, как невесомая пыль. Я войду в твое солнечное сплетение, вспыхну и засияю, как сияет полуденный мир. Имя мне Чинкуэда, твоего знать не хочу.

Приходи ко мне после обеда, сытый, расслабленный и довольный, дремлющий наяву за столом, заново забывший себя, приноси с собой свое время, которого не осталось, приводи с собой всех, кого никогда не любил, черную кошку, которую приютил, а потом выгнал за то, что была неласкова, желтого пса, которого пристрелили за то, что тебя укусил, сизого голубя, которого мог переехать машиной, но в последний момент побрезговал и свернул. Иди и не оборачивай-

ся, обернешься — увидишь груды сокровищ, которые растерял по дороге, и свои дырявые руки, такими уже ничего не собрать, станешь оплакивать упущенные возможности, не утетишься, только ослепнешь от слез. Иди на мой голос впотьмах, на ощупь, отяжелевший от сытости, ошалевший от лютого голода, иди, натываясь на стены, все круша на своем пути, бранясь от злости, всхлипывая от беспомощности, кривясь от предчувствия боли, которая пронзит тебя позже, когда я войду в твое сердце и навсегда там останусь. Имя мне Дага, а ты свое потерял.

Приходи ко мне в сумерках, когда тени открывают глаза, воздух становится синим, и зажигаются фонари. Выйди из магазина, фитнес-клуба, автобуса, косметического салона, кофейни, неважно, главное выйди оттуда вот прямо сейчас на улицу города, который однажды выдумал, целых десять секунд в него верил, десять минут о нем горевал, десять часов считал себя идиотом, десять дней никому о нем не рассказывал, а потом, конечно, забыл. В этом городе я всегда жду тебя в сумерках на перекрестке, который ты когда-то увидел, а названия улиц на табличках прочитать не успел. Приходи ко мне, я дождусь, обожгу тебя синим сумраком, согрею фонарным светом, коснусь твоей шеи лезвием, так ласково, что убежать не станешь, да и куда тебе здесь бежать. Имя мне Нагината, а твое не имеет значения, чего зря гадать.

Приходи ко мне ночью, когда так темно, словно нас уже нет; но мы еще есть, не надейся, так легко не отделаешься, не ленись, поднимай свои веки, пересчитывай деньги и квадратные метры, допивай свою горькую

чашу, доедай диетические голубцы, надевай пальто, не забудь про шапку и шарф, варежку потерял, мама будет ругать, ты не плачь, завяжи шнурки, затяни их потуже, открывай окно, выходи. Забери с собой несколько сотен чужих секретов, которые по глупости разболтал, и одну настоящую тайну, которую выдал нарочно, чтобы все рухнуло, и свое отчаяние от того, что не рухнуло, не получилось, плохо предал, неэффективно, не рассчитал, мама будет ругать, свет померкнет, наступит ночь. Приходи ко мне ночью в шапке, с шарфом на горле, со шнурками во рту, не пожалеешь, я тебя обниму, снесу тебе голову одним поцелуем, сверху, с оттяжкой, имя мне будет Шамшир, а у тебя не будет ни имени, ничего.

Приходи ко мне на рассвете после бессонной ночи, выпив для храбрости крепкой холодной воды из-под крана, приноси с собой память обо всех бессонных ночах, тоску неизвестно о чем и другую, известно о чем, но кому от этого легче, и усталость, от которой хочется плакать, но взрослые люди не плачут, взрослые люди поют караоке, в хоре и в душе, взрослые люди пляшут, всегда на чьих-то костях, мы с тобой тоже спляшем, я на твоих, а ты на игральных, если хватит удачи, выпадет стрит, улица, по которой сможешь уйти почти невредимым, с опаленной бровью, ладонью, щекой и судьбой, вернуться домой на рассвете, подняться пешком на четвертый этаж, ключ потерял, но дверь нараспашку, хлопает на ветру, солнце взошло, вода по колено, вишни в цвету, зеркало в коридоре сверкает, как медный щит, глянешь — окаменеешь, но успеешь узнать меня. Я смотрю на тебя из зеркала, я — твоё отражение, я — доживший до этого утра ты.

А ты думал, кто?

СОРОК ТРЕТИЙ

Впервые это случилось, когда ему было тринадцать — здоровый, в сущности, лоб. Сказками уже давным-давно не зачитывался; собственно, вообще ничем не зачитывался с тех пор, как в трех кварталах от дома открылся видеосалон, куда всеми правдами и неправдами стремился попасть хотя бы пару раз в неделю. Взхлеб смотрел ужастики и боевики.

А город, который он увидел, был совершенно сказочный, как с картинки, даже скорей из мультфильма — знал бы про аниме, сразу подумал бы: «анимешный», — но этого термина тогда еще не употребляли. Светлые стены невысоких, как бы нарочито хрупких домов, разноцветные оконные стекла, хрустальные крыши, бесчисленные мосты, протянутые не только над узкой быстрой рекой, но и просто над улицами, между домами, на уровне второго — третьего этажей, лестницы всех мыслимых форм и конструкций, соединявшие тротуары с мостами и крышами, иногда — с тенью соседнего дома, с проплывающим облаком или просто ни с чем.

Он тогда болел; ничего серьезного, обычная простуда, но часто просыпался от кашля, жадно пил воду из специально оставленной на стуле возле дивана

чашки и снова засыпал. Под утро вода в чашке закончилась. Вставать было лень, но пить хотелось так сильно, что пришлось. Босиком пошлепал на кухню, напился, вернулся обратно в комнату и совершенно случайно взглянул в окно. Сон слетел с него сразу, да и с кого бы он не слетел, когда за окном вместо заслоняющей половину неба блочной девятиэтажки какой-то фантастический, невозможный город с мостами, хрустальными крышами и винтовыми лестницами, ведущими в никуда.

В этом городе тоже была ночь, но гораздо более светлая, чем он привык, небо не чернильное, а почти бирюзовое, всюду на улицах круглые белые и зеленые фонари, окна в домах тоже светятся, и это оказалось одним из самых удивительных впечатлений — светящиеся изнутри разноцветные оконные стекла, как будто глядишь на зажженную лампу через калейдоскоп.

Стоял у окна и смотрел на этот удивительный город, которого быть не могло. Думал: «Наверное, на самом деле я не проснулся», — и это само по себе свидетельствовало, что все-таки проснулся. Никогда раньше не говорил себе во сне: «Я сплю». Но хотелось более веских доказательств. Поэтому несколько раз ущипнул себя, очень больно, но все-таки для полной уверенности недостаточно. Тогда взял с письменного стола ножницы и с силой провел лезвием по руке. Ножницы были тупые, но удалось расцарапать кожу до крови. И тогда наконец успокоился, выдохнул — все-таки не сон.

Потом уже не колебался. Быстро оделся и вышел из дома, захватив в прихожей куртку и сунув ноги в ботинки, отцовские вместо своих; ошибку осознал уже

в подъезде, но возвращаться не стал, только потуже затянул шнурки. Дом был пятиэтажный, без лифта, поэтому спускаться пришлось пешком. Шел очень медленно, отчасти из-за болтающихся на ногах ботинок, отчасти потому, что ему было страшно: вот выйду из дома, вокруг этот удивительный город — и что тогда? Нет, правда, что? Я там никого не знаю, и меня тоже — никто. Может быть, там живут людоеды? Или вампиры? И эта красота за окном — ловушка, чтобы выманить всех, кто не спит? И еще неизвестно, какой у них там воздух. Им вообще можно дышать? Или как на других планетах в фантастических фильмах состав атмосферы: ацетон, аммиак?

Но страх не мешал идти вниз по ступеням, не останавливаясь, шаг за шагом, не сомневаясь, что он все делает правильно, так обязательно надо, других вариантов просто нет. Страх был отдельно, а весь остальной он — отдельно. И оказалось, что весь остальной он гораздо больше, чем страх. И сильнее. Это было удивительное открытие; потом оно еще пригодилось не раз.

Когда открывал дверь подъезда, сердце так колотилось, что, думал, выскочит или, наоборот, остановится от нагрузки, как перегревшийся мотор. Но все равно оттянул язычок защелки, навалился на дверь плечом, вышел, в первый момент вообще ничего не понял, кроме того, что этим холодным морозным воздухом вполне можно дышать, а потом увидел, что стоит в своем дворе, напротив — панельная девятиэтажка, слева — мусорные баки, справа — выезд на улицу, за спиной — черная железная дверь подъезда, как обычно, как и должно быть, все как всегда.

Некоторое время стоял неподвижно, затаив дыхание, сам не знал, чего ждет — то ли что сказочный город передумает и вернется, то ли что привычный пейзаж тоже исчезнет, девятиэтажка, мусорка, синяя дяди Володина «девятка», неизвестно чей горчично-желтый «москвич», и он сам тоже исчезнет, в первую очередь — он сам.

В любом случае так ничего и не дождался. И, тем более, не исчез. Наконец развернулся, нажал на кодовом замке кнопки «3», «8» — и пошел обратно, домой.

Поднявшись на четвертый этаж, спохватился: «Как же я войду?» — но в кармане куртки неожиданно нашлись ключи, дверь удалось открыть, а потом запереть бесшумно, поэтому о его ночной отлучке родители так и не узнали. А рассказывать, конечно, не стал. Вообще старался вспоминать об этом пореже, а когда все-таки вспоминал, говорил себе: я болел, у меня могла резко подняться температура. Бред — вполне обычное дело, когда у человека жар.

Сам знал, что это никуда не годное объяснение. Но оно все равно его успокаивало. Такой вот парадокс.

* * *

Второй раз это случилось через два с лишним года. Они с родителями только что переехали в дедовскую квартиру на втором этаже большого сталинского дома, почти в самом центре города, непривычно просторную и, как почему-то казалось, полную тайн, хотя откуда бы взяться тайнам у деда, всю жизнь прослужившего министерским чиновником? Не такой он был человек.

Однако атмосфера в квартире все равно была немного таинственная, ну или просто непривычная. Скорее всего, так.

В ту ночь он засиделся, готовясь к экзамену; на самом деле грядущий экзамен просто оказался отличным предлогом не поехать на дачу с родителями, впервые в жизни остаться одному дома почти на трое суток, а не на какие-то несчастные полдня. Поэтому жалко было вот так сразу ложиться и засыпать. Гораздо интересней сидеть за старым письменным столом в бывшем дедовском кабинете, с открытым где-то на середине учебником, исчерканной тетрадкой с задачами и полной чашкой растворимого кофе, который ему не особенно нравился, но казался символом настоящей взрослой жизни, всего самого лучшего, что в ней есть — одиночества и свободы не спать хоть до самого утра.

Несмотря на кофе, в начале третьего начал клевать носом. Какое-то время пытался бороться со сном, но потом махнул рукой, сполз со стула, принялся стягивать брюки, замутненный усталостью взгляд случайно упал на окно, и он застыл, как стоял — полусогнутый, одной ногой застрявший в штанине, — потому что там, за окном, было бирюзовое небо, круглые зеленые фонари, светлые стены, хрустальные крыши, разноцветные оконные стекла, лестницы и мосты. Не закричал: «Да! Да! Да!» — только по привычке вести себя по ночам тихо, чтобы не разбудить родителей, забыл, что в квартире больше никого нет. Но очень хотел торжествующе закричать, потому что город за окном казался ему главной личной победой всей жизни; в каком-то

смысле он и был победой — над собственным здравым смыслом. Сколько раз говорил себе, что никакого волшебного города не было, а он все-таки есть.

Наконец натянул штаны, развернулся бежать на улицу, но остановился на пороге комнаты, вспомнив, чем это закончилось в прошлый раз. Решил: если я вижу город в окно, значит, и выходить к нему надо из окна, а не в обход, через подъезд. Здесь всего-то второй этаж, не о чем говорить.

Ни минуты не колебался. Распахнул окно, повис на руках, уцепившись за подоконник, прыгнул. Когда разжимал пальцы, был твердо уверен, что на этот раз все получится, но когда ступни коснулись земли, еще до удара, неприятной, звонкой, вибрирующей волной отозвавшегося во всем теле, уже знал, что не получилось ничего. Нет никакого города с хрустальными крышами и разноцветными окнами. Просто нет, не может его быть, таких не бывает. Подумал: я так устал, что уснул на ходу, раздеваясь. И увидел сон. И прыгнул за ним в окно — хорошо, что со второго этажа, а не с какого-нибудь девятого. Интересно, как я теперь обратно залезу? Ключи-то остались в замке, изнутри.

Тем не менее, как-то вскарабкался обратно в квартиру, соседи с первого этажа спали крепко, не слышали, как он скакал на их подоконнике, и на улице было пусто, в общем, никто его не застукал, обошлось без скандала. Вот и хорошо.

Очень устал, но до утра ворочался на внезапно ставшем неудобным диване. Кое-как задремал, но подскочил, проспав всего пару часов. Даже не позавтракав, поехал на вокзал, а оттуда электричкой на дачу. От

станции до поселка пешком почти пять километров, оно и к лучшему: почти успокоился, пока дошел.

Родители не столько обрадовались, сколько встревожились. Когда сын-подросток добровольно приезжает на дачу, от которой прежде отбрыкивался, как мог, впору задуматься, все ли у него хорошо. Сказал им: «Зубрить надоело, вот и приехал». А что еще было говорить.

* * *

В третий раз он увидел город с хрустальными крышами не за окном, а в щели забора, ограждавшего какую-то стройку; дело было под утро после выпускного, он провожал домой Аллу, самую красивую девочку в классе, которая прежде не обращала на него внимания, но на выпускном вдруг согласилась с ним танцевать, и второй раз согласилась, и третий, и на попытку поцеловать совершенно не рассердилась, только сказала: «Ты что, не здесь же!» — и предложению уйти вместе пораньше так явно обрадовалась, что он почти испугался: ну и что теперь делать? Слишком легко все испортить, когда внезапно стало так хорошо.

Теоретически он провожал Аллу домой, но на самом деле они нарезали какие-то нелепые, хаотические петли по городу, пили розовое шипучее вино, бутылку которого он заранее припрятал — не в кустах за школой, как делали почти все, а в детском саду через дорогу, в разноцветном фанерном паровозике; Алла хохотала до слез, увидев его тайник, но находчивость оценила. Ну и вообще все шло отлично, пока они не